

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2024. Том 28, № 4
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 81.22

ББК 81.006.3

DOI 10.18522/1995-0640-2024-4-118-125

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ЧУЖОГО В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «ХАДЖИ-МУРАТ»

Григорий Валериевич Токарев

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия

Аннотация. Рассматриваются вербальные способы репрезентации представлений о чужом, исследуются их интенции в повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Выявлено несколько номинаций, отражающих разные векторы идентификации. К средствам выражения чужого отнесены коннотации, аллегории, этнографизмы, варваризмы, лингвокультурные единицы, искажения русской речи. Определено, что иллюкутивным заданием данных деталей является формирование у собеседника представлений о чужом пространстве, подробное информирование, самоанализ.

Ключевые слова: язык, культура, семантика, прагматика, коммуникация, идентичность, чужой

Для цитирования: Токарев Г. В. Репрезентация категории чужого в повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2024. Т. 28, № 4. С. 118–125.

Original article

REPRESENTATION OF THE CATEGORY OF THE STRANGER'S IN THE NOVEL BY L.N. TOLSTOY "KHADZHI-MURAT"

Grigoriy V. Tokarev

Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russian Federation

Abstract. This article deals with analyzing verbal ways of representation of performing stranger things, researching their intentions in the novel by L.N. Tolstoy "Khadzhi-Murat." While studying we have defined several nominations reflecting different directions of identifications. Connotations, allegories, ethnographism. To the expressive means of the stranger things, barbarisms, linguacultural units, distortion of the speech in Russian. It is definite, that the illocutive task of the details is forming an image of a stranger space, detailed informatization, self-analysis.

Key words: language, culture, semantics, pragmatics, communication, identity, stranger

For citation: Tokarev G.V. Representation of the category of the stranger's in the novel by L.N. Tolstoy "Khadzhi-Murat" // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2024. Vol. 28, № 4. P. 118–125.

Введение

Повесть Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» получила всестороннее рассмотрение в гуманитарных науках. Хорошо изучены её художественные особенности [Андреева, 2023; Кузнецова, 2021; Перебатова, 2021; Хайбулаева, 2009], идейное содержание [Ахмадова, 2020; Ли, 2023; Мусаева, 2012]. Однако, как

любое гениальное произведение, она потенциально открывает новые горизонты для наблюдений вследствие развития новых направлений гуманитаристики. В свете актуальной для лингвокультурологии проблемы идентичности эта повесть содержит богатый материал, позволяющий изучить особенности воплощения категории чужого и её иллокутивную силу. Под названной ментальной сущностью мы понимаем комплекс представлений, способов их выражения и культурных функций, полученных в результате категоризации действительности по параметру *моё vs. не моё*. Категория чужого является результатом процесса идентификации, представляющего собой разновидность категоризации, в основе которой лежит когнитивный фильтр *свой vs. чужой*, «...комплекс репрезентированных различными знаковыми средствами представлений лингвокультурного сообщества о собственной самобытности, уникальности...» [Токарев, 2022, с. 174]. Данная ментальная сущность связана с интерпретацией действительности как неизвестной, непонятной, неподходящей, неосвоенной, скрывающей потенциальную опасность, враждебной. Исходя из этого, чужое обычно маркируется в языке отрицательно и неодобрительно. Важным основанием изучения чужого является существование категории своего. Такие ментальные сущности осмысляются с опорой друг на друга и не могут существовать одна без другой. Трансполируя эти категории в коммуникативную плоскость, можно говорить об их коммуникации, которая имеет разные формы – от конструктивного, взаимообогащающего диалога до полного отказа от обмена информацией. В данном ключе повесть Л. Н. Толстого была рассмотрена Е. А. Печуровой, З. А. Узденовой [Печурова, 2018; Узденова, 2021].

Когнитивный таксон *свой vs. чужой* рассматривается в рамках проблемы идентичности культурного сообщества. Данная ментальная категория исследуется в различных областях знания. В рамках лингвокультурологической парадигмы сделаны интересные наблюдения. Так, В. И. Карасик определяет идентичность как «...осознание своей принадлежности к той или иной группе социума и вытекающие отсюда установки мировосприятия и коммуникативного поведения» [Карасик, 2020, с. 285]. Как видим из приведённой дефиниции, в основе идентичности лежит приверженность к своему, которая проявляется в способах мышления и поведения, свойственных своим. М. А. Лаппо трактует идентичность как стремление примкнуть к своим [Лаппо, 2013, с. 14]. В. В. Красных рассматривает идентичность как «процесс и результат установления культурной принадлежности» [Красных, 2016, с. 132], из чего следует, что идентичность предполагает поиск своего, понимание границ между своим и чужим. И. В. Скрынникова и Т. Н. Астафурова объясняют идентичность как сложное ментальное образование, включающее в себя тождественные мнения о чём-либо и имеющее семиотическую проекцию в поведенческих и вербальных практиках [Скрынникова, Астафурова, 2020]. Таким образом, чужое осмыляется в тесной связи с категорией своего, рассматриваемой с точки зрения идентичности.

В филологических исследованиях «Хаджи-Мурат» Л. Н. Толстого называют поликультурным текстом [Месибих Абделуахед, 2006]. Содержание категории своего в рассматриваемом тексте составляет концепт «русский», включающий множество знаний о языке, традициях, быте и др. Эта ментальная сущность выступает в качестве платформы для осмысления категории чужого, преимущественно представленной в рассматриваемом произведении кавказской культурой, многообразной, но не дифференцированной с точки зрения русской.

Целью настоящей статьи является рассмотрение вербальных способов и средств репрезентации чужого, а также исследование их иллокутивного по-

тенциала. Для достижения поставленной цели используются компонентный и ономаσιологический анализ значения, метод дискурсивного анализа и приём лингвокультурологической интерпретации. Актуальность исследования обусловлена неразработанностью вербальных аспектов идентичности, неизученностью повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» с точки зрения объективации категории чужого.

Исследование и его результаты

Для обозначения чужого в вышеназванном произведении Толстой применяет несколько номинаций. Они отражают разные векторы идентификации. Первый: *свой – русский → чужой – нерусский*. Художественная форма повествования позволяет автору использовать фигуральный способ репрезентации представлений. С опорой на вторичную номинацию растения *татарин* Толстой вводит тему чужого: «*Я набрал большой букет разных цветов и шел домой, когда заметил в канаве чудный малиновый, в полном цвету, репей того сорта, который у нас называется “татарин” и который старательно окашивают, а когда он нечаянно скошен, выкидывают из сена покосники, чтобы не колоть на него рук. Кроме того, он по своей грубости и аляповатости не подходил к нежным цветам букета*» [Толстой, 1950, с. 5]. Приведённый контекст объективирует все важные для репрезентации чужого смыслы: ‘отличающийся’, ‘ненужный’, ‘грубый’, ‘не соответствующий норме’, ‘ранящий’. Внутренняя форма названия этого растения указывает на национальный признак и вторичный – религиозный, так как в обыденном русском сознании татарин осмысливается как мусульманин, иноверец.

Ещё одна номинация – *туземец*: «*Он хотел внушить государю, что Воронцов всегда, особенно в ущерб русским, оказывающий покровительство и даже послабление туземцам...*» [Толстой, 1950, с. 65] – не маркирована в эмотивно-оценочном аспекте, но денотативно соотносима с представлениями о другом.

В качестве вербального средства обозначения чужого выступает слово *поляк*, которое в контексте порождает коннотации ‘иноверец’, ‘предатель’, генерируемые русской исторической памятью: «*Он думал теперь о том, как бы полнее удовлетворить тому чувству злобы к полякам, которое в нем расшевелилось историей этого студента...*» [Толстой, 1950, с. 72]. Приведённый контекст формирует потенциальные семы неодобрения и негативной оценки.

При изменении вектора категоризации Толстой показывает миропонимание действительности со стороны чеченцев. Для номинации чужих он использует оценочную лексику *собаки*. Употребление этого бранного, выражающего яркую негативную оценочность, уничижительность слова автор повести оправдывает путём подробного объяснения действительности, контрастного сопоставления прошлого и настоящего, нарушения универсальных нравственных норм: «*Вернувшись в свой аул, Садо нашёл свою саклю разрушенной: крыша была провалена, и дверь и столбы галерейки сожжены, и внутренность огажена. Сын же его, тот красивый, с блестящими глазами мальчик, который восторженно смотрел на Хаджи-Мурата, был привезен мертвым к мечети на покрытой буркой лошади. Он был проткнут штыком в спину. Благообразная женщина, служившая, во время его посещения, Хаджи-Мурату, теперь, в разорванной на груди рубахе, открывавшей ее старые, обвисшие груди, с распущенными волосами, стояла над сыном и царапала себе в кровь лицо и не переставая выла ... Старик дед сидел у стены разваленной сакли и, строгая палочку, тупо смотрел перед собой. Он только что вернулся с своего пчельника. Бывшие там два стожка сена были сожжены; были поломаны и обожжены*

посаженные стариком и выхоженные абрикосовые и вишневые деревья и, главное, сожжены все ульи с пчелами. Вой женщин слышался во всех домах и на площади, куда были привезены еще два тела. Малые дети ревели вместе с матерями. Ревела и голодная скотина, которой нечего было дать. Взрослые дети не играли, а испуганными глазами смотрели на старших.

Фонтан был загажен, очевидно нарочно, так что воды нельзя было брать из него. Так же была загажена и мечеть, и мулла с муталимами очищал ее

... О ненависти к русским никто и не говорил. Чувство, которое испытывали все чеченцы от мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения» [Толстой, 1950, с. 80]. Этот фрагмент, пожалуй, один из самых сильных в прагматическом отношении, призван объяснить причины негативной рефлексии на чужое. Отрывок насыщен словами с семантикой разрушения: *разрушенной, огажена, сожжена, поломаны*. Индексальные знаки – *разорванная на груди рубаха, распущенные волосы* – указывают на следы насилия. Усиливают иллюкутивную силу контекстуальные антонимы, показывающие неестественное наступление смерти: *красивый, с блестящими глазами мальчик, который восторженно смотрел* → *привезён мёртвым; выхоженные абрикосовые и вишневые деревья* → *обожжены*. Усиливают иллюкутивное воздействие слова, указывающие на эмоциональную реакцию человека: *вой, реветь, испуганный, отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью, желание истребления*.

Ещё одна номинация – *неверные*. «Лучше умереть во вражде с русскими, чем жить с неверными» [Толстой, 1950, с. 89]. Данный лексико-семантический вариант объективирует коннотацию ‘предатель’, ‘отступающий от традиции’, ‘иноверец’.

Слово *русский* вербализует в контексте коннотации: ‘неверный’, ‘враг’, ‘поработитель’: «Потерпите, а я с Кораном и шашкою приду к вам и поведу вас против русских. Теперь же строго повелеваю не иметь не только намерения, но и помышления покоряться русским» [Толстой, 1950, с. 89].

Противостояние свой – чужой показано и в аллегорической форме обращения к аллюзиям басен, пословиц, поговорок: «Только и нового, что все зайцы совещаются, как им орлов прогнать» [Толстой, 1950, с. 8]. «У нас половица есть, – сказал он переводчику, – угостила собака ишака мясом, а ишак собаку сеном, – оба голодные остались» [Толстой, 1950, с. 3].

Подчёркивают границу своего пространства притяжательные местоимения:

«Старик рассказывал, как ихние молодцы на прошлой неделе поймали двух солдат...» [Толстой, 1950, с. 9].

Таким образом, Толстой, демонстрируя два вектора восприятия чужого, по сути, не только выявляет конфликт, но и показывает его причину, заключающуюся в неприятии иной идентичности. Его основу воплощает коннотация ‘иная вера’, которая генерирует ряд других, частных контекстуальных смыслов. Коннотации формируются на основе исторической памяти и жизненного опыта. Роль коннотации в объективации представлений о своём и чужом подчёркивала Н. Г. Глебова [Глебова, 2017]. Характерно, что иллюкутивным заданием рассмотренных номинаций является выражение неодобрения к чужому, его полное неприятие.

Для формирования представлений о чужом пространстве Л. Н. Толстой использует разнообразные с точки зрения своей денотативной соотнесённости этнографизмы. Е. В. Белоглазова называет эту группу слов ксенонимами, подчёркивая их идентифицирующую роль [Белоглазова, 2023]. Большую часть из них составляют бытовизмы, объективирующие обыденные ситуации (уход за детьми, встреча гостей чаепитием, сбривание волос на голове и др.), описание жизнеустройства аула и человеческого жилища, блюда и продукты питания: *пильгиши, чурек*, посуды: *кумган*, одежды: *бешмет*, создающие иллюзию референтности. Чужое мировосприятие передано с опорой на лингвокультурный инструментарий, например на наивные меры: так, небольшой аул сравнивается с ослиной головой, расстояние определяется выстрелами.

Для воссоздания иного, чужого используется большое количество антропонимов, топонимов: *Цельмес, Хунзах, Махкет*, антропонимов: *Садо, Абу-нунцал-Хан, Осман, Умма-Хан, Булач-Хан, Шамиль* (этот список составляют не только кавказские имена, но и польская фамилия *Бжезовский*) и др., упоминаются общественные процессы иного, мусульманского мира: *хазават, мюридизм*, элементы социальной структуры: *имам, наиб, мюршид*. Упоминается много названий кавказской одежды: *башлык, бурка, бешмет, шаровары, папах, черкеска, ноговицы, занавеска из серебряных монет, бесподошвенные чувяки*. Толстой не ищет синонимов, не даёт комментариев или пояснений значений. С учётом ментального уровня непосвящённого читателя происходит интенсивное погружение в чужую, непонятную среду. Этому способствует транслитерированное использование варваризмов: «*Хаджи-Мурат проговорил обычное: “Селям алейкум”, – и открыл лицо ...*

– *Не хабар? – спросил Хаджи-Мурат старика, то есть: “что нового?”*

– *Хабар иок – “нет нового”, – отвечал старик, глядя не в лицо...»* [Толстой, 1950, с. 8].

Е. В. Белоглазова по этому поводу замечает: «Примечательно, что здесь заимствуются не культурные термины, не названия уникальных реалий, а риторические фигуры, дискурсивные обороты, позволяющие читателю слышать голос другого» [Белоглазова, 2023, с. 90].

Интенция показать чужое реализуется посредством искажения русской речи: «– *Чечен мирная, – заговорил тот, который был пониже. Это был Бата. – Ружье иок, шашка иок, – говорил он, показывая на себя. – Кинезь надо...»* [Толстой, 1950, с. 15].

Особое внимание уделено описанию религиозных традиций, в частности внешних атрибутов совершения молитвы: «*Старик сел против него на свои голые пятки и, закрыв глаза, поднял руки ладонями кверху. Хаджи-Мурат сделал то же. Потом они оба, прочтя молитву, огладили себе руками лица, соединив их в конце бороды»* [Толстой, 1950, с. 8]. «*Разувшись и совершив омовение, Хаджи-Мурат стал босыми ногами на бурку, потом сел на икры и, сначала заткнув пальцами уши и закрыв глаза, произнес, обращаясь на восток, обычные молитвы»* [Толстой, 1950, с. 23]. Кроме этого, упоминаются традиции братания: «– *Что значит: принять братом? – Я не брил два месяца головы, ногтей не стриг и пришел к ним. Они пустили меня к Патимат, к его матери. Патимат дала мне грудь, и я стал его братом»* [Толстой, 1950, с. 56], соблюдения религиозных запретов, «*предписаний тариката: курении табаку, питии вина*», кровомщение, законы шариата: «*двух людей приговорили за воровство к отрублению руки, одного к отрублению головы за убийство»* [Толстой, 1950, с. 88].

Все эти детали формируют представления о чужом нравственном пространстве, нормах и запретах, санкциях и наказаниях, отличных от русских: *«Ежели ты чист совестью, если чалму ты надевал, собственно, только для спасения души, то ты прав и смело можешь глядеть русскому правительству и мне в глаза; а тот, кто тебя обесчестил, уверяю, будет наказан, имущество твоё будет возвращено, и ты увидишь и узнаешь, что значит русский закон»* [Толстой, 1950, с. 59].

Чужой культурный фон отражает народная песня, объективирующая ценности кавказских культур: *«Булатный кинжал твой прорвал мою белую грудь, а я приложила к ней мое солнышко, моего мальчика, омыла его своей горячей кровью, и рана зажила без трав и кореньев, не боялась я смерти, не будет бояться и мальчик-джигит»* [Толстой, 1950, с. 105] – воинство, честь, семья.

Иллокутивным заданием данных деталей является формирование у собеседника представлений о чужом пространстве, подробное информирование, на основе которого выстраивается его понимание, приятие, осмысление того, что и другое имеет право на существование. Н. Д. Арутюнова отмечает: «Другой превращает субъекта познания в его объект. Благодаря существованию Другого человек способен вынести суждение о себе самом как об объекте» [Арутюнова, 1999, с. 647]. Из этого тезиса следует, что столь подробное изображение чужого Толстой использовал как средство, активизирующее процессы самопознания, самоанализа и самооценки.

Выводы

Таким образом, оппозиция *свой vs. чужой* является ключевой для повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Для её репрезентации используются различные вербальные способы и средства: этнографизмы, варваризмы, притяжательные местоимения, коннотации, аллюзии, речевые искажения, описания элементов чужого мира. Писатель изображает национальный конфликт, основанный на неприятии иной идентичности, сформированный на стереотипах о чужом, на исторической памяти и рефлексии на настоящее, объективированных коннотативным фоном. В репрезентации чужого пространства огромную роль играют лексические средства, в частности варваризмы, которые в тексте Толстой вводит без описания и пояснения. Е. В. Белоглазова отмечает: «...автор создает высокую концентрацию культурно маркированных элементов в ущерб понятности и доступности описания...» [Белоглазова, 2023, с. 91].

Одной из ведущих интенций повести является подробное описание чужой идентичности. Писатель сопровождает своё произведение словарём, роль которого заключается в установлении лингвокультурного диалога и побуждении читателя к самостоятельному изучению чужой культуры. Мы не согласны с утверждением Е. В. Белоглазовой, что «...вербализацию кавказской и русской культур автор строит симметрично, используя сопоставимые семантические и формальные классы культуронимов, что способствует созданию четкого контраста сталкивающихся миров» [Белоглазова, 2023, с. 91]. В повести очевиден явный лексико-прагматический крен в сторону изображения чужого, что подтверждается количественным преобладанием культурно маркированных лексических единиц. Подробное описание иной идентичности объясняется желанием донести до читателя мысль, что она имеет право на существование, историю, традиции, наполнена смыслом, так же как своё пространство. Описание чужого формирует почву для диалога читателя с текстом, повествующим о другой культуре, следствием которого должно стать приятие иного мировоззрения, саморефлексия в поликультурной среде.

Список источников

- Андреева В. Г. Художественное время в повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Филол. науки. Науч. доклады высшей школы. 2023. № 2. С. 62–71.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Ахмадова Т. Х. Мысль народная в повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Изв. Чеченского гос. ун-та им. А. А. Кадырова. 2020. № 3 (19). С. 47–52.
- Белоглазова Е. В. Перевод транскультурного текста: двойной перевод культуры // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Серия 2 : Языкознание. 2023. Т. 22, № 3. С. 86–96. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.3.8.
- Глебова Н. Г. Коннотативно-оценочный потенциал слов – репрезентантов концепта РУССКОСТЬ в современном русском языке // Науч. диалог. 2017. № 11. С. 25–37. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-25-37.
- Карасик В. И. Языковые картины бытия. М.: Ин-т рус. языка им. А. С. Пушкина, 2020. 468 с.
- Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры. М.: Гнозис, 2016. 496 с.
- Кузнецова А. В. Семиозис метатекста в художественной коммуникации // Балтийский гуманит. журн. 2021. Т. 10, № 2 (35). С. 278–281. DOI: 10.26140/bgz3-2021-1002-0073.
- Лапко М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 180 с.
- Ли Л. Лопух и имперское сознание в повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Вопросы истории. 2023. № 8-1. С. 104–111.
- Месибях Абделдуахед. Теоретические основы комплексного анализа поликультурного художественного текста (на материале повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат»): дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 192 с.
- Мусаева С. А. Повесть Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат»: проблема личности // Вестн. Белорусского гос. пед. ун-та. Серия 1 : Педагогика. Психология. Филология. 2012. № 1. (71). С. 101–104.
- Перебатова Ю. А. Лексический анализ произведения Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 39. С. 262–275.
- Печурова Е. А. Отражение процессов межкультурной коммуникации в поздних художественных текстах Л. Н. Толстого (лингвистический аспект) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 2 (29). С. 77–87.
- Скрынникова И. В., Астафурова Т. Н. Конструирование современной российской идентичности дискурсивными метафорами // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Серия 2 : Языкознание. 2020. Т. 19, № 3. С. 107–115. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.3.10.
- Токарев Г. В. Вопросы изучения символика региональной идентичности // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Серия 2 : Языкознание. 2022. Т. 21, № 6. С. 173–182. DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.6.14.
- Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат // Полн. собр. соч. : в 90 т. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1950. Т. 35. С. 5–198.
- Узденова З. А. Расположенные к диалогу: горцы и русские в повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Национальные образы мира в зеркале русского языка. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2021. С. 19–26.
- Хайбулаева Н. М. Л. Н. Толстой «Хаджи-Мурат» // Вопросы кавк. филологии. 2009. № 5. С. 81–86.

References

- Akhmadova T.H. (2020). The idea of the people in the story by L.N. Tolstoy “Hadji Murad”. *Proceedings of the Kadyrov Chechen State University*, no. 3, pp. 47-52. (In Russian).
- Andreeva V.G. (2023). Artistic time in the story of L.N. Tolstoy “Hadji Murad”. *Philological Sciences. Scientific Reports of the Higher School*, no. 2, pp. 62-71. (In Russian).
- Arutyunova N.D. (1999). *Language and the human world*. Moscow, Languages of Russian culture, 1999. 896 p. (In Russian).
- Beloglazova E.V. (2023). Translation of a transcultural text: a double translation of culture. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, vol. 22, no. 3, pp. 86-96. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.3.8. (In Russian).

- Glebova N.G. (2017). Connotative and evaluative potential of the words representing the concept of Russianness in the modern Russian language. *Scientific Dialogue*, no. 11, pp. 25-37. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-25-37. (In Russian).
- Karasik V.I. (2020). *Pagan paintings of being*. Moscow, Pushkin Institute of Russian Language, 468 p. (In Russian).
- Khaibulaeva N.M. (2009). L.N. Tolstoy "Hadji Murad". *Questions of Caucasian Philology*, no. 5, pp. 81-86. (In Russian).
- Krasnykh V.V. (2016). *Dictionary and grammar of linguoculture*. Moscow, Gnosis, 496 p. (In Russian).
- Kuznetsova A.V. (2021). Semiosis of metatext in artistic communication. *Baltic Humanitarian Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 278-281. DOI: 10.26140/bgz3-2021-1002-0073. (In Russian).
- Lappo M.A. (2013). *Self-identification: semantics, pragmatics, language resources*. Novosibirsk, Publishing House of NSPU, 180 p. (In Russian).
- Li N. (2023). Burdock flower and Imperial consciousness in L.N. Tolstoy's novel "Hadji Murad". *Questions of History*, no. 8-1, pp. 104-111. (In Russian).
- Mesibah Abdeluahab (2006). *Theoretical foundations of a comprehensive analysis of a multicultural literary text (based on the story by L.N. Tolstoy "Hadji Murad")*. Dissertation. Moscow, 192 p. (In Russian).
- Musaeva S.A. (2012). Tolstoy's novel "Hadji Murad": the problem of personality. *Bulletin of the Belarusian State Pedagogical University. Series 1. Pedagogy. Psychology. Philology*, no. 1. (71), pp. 101-104. (In Russian).
- Pechurova E.A. (2018). Reflection of the processes of intercultural communication in the late literary texts of L.N. Tolstoy (linguistic aspect). *Theory of Language and Intercultural Communication*, no. 2(29), pp. 77-87. (In Russian).
- Perebatova Yu.A. (2021). Lexical analysis of L.N. Tolstoy's work "Hadji Murad". *Innovations. Sciences. Education*, no. 39, pp. 262-275. (In Russian).
- Skrynnikova I.V., Astafurova T.N. (2020). The construction of modern Russian identity by discursive metaphors. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, vol. 19, no. 3, pp. 107-115. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.3.10. (In Russian).
- Tokarev G.V. (2022). Issues of studying the symbolism of regional identity. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, vol. 21, no. 6, pp. 173-182. DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.6.14. (In Russian).
- Tolstoy L.N. (1950). Hadji Murad. *Complete works*: in 90 vols. Moscow, State Publishing House of Fiction, vol. 35, pp. 5-198. (In Russian).
- Uzdenova Z.A. (2021). Layout for dialogue: Highlanders and Russians in Leo Tolstoy's novel "Hadji Murad". *National images of the world in the mirror of the Russian language*. Moscow, RUDN University, pp. 19-26. (In Russian).

Сведения об авторе

Токарев Григорий Валериевич – докт. филол. наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>, grig72@mail.ru

Information about the Author

Grigoriy V. Tokarev – Ph.D. in Philology, professor, head of the Department of Document Studies and Stylistics of the Russian Language, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>, grig72@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.07.2024; одобрена после рецензирования 03.10.2024; принята к публикации 03.10.2024.

The article was submitted 29.07.2024; approved after reviewing 03.10.2024; accepted for publication 03.10.2024.